

СОДЕРЖАНИЕ

Мать Мария (Скобцова)
и ее «мистика человекообщения»
Наталья Ликвинцева

VII

I / ПРИЗВАНИЕ К ТВОРЧЕСТВУ	1
В поисках синтеза	4
Рождение и творение.....	27
К делу	41
Истоки творчества	50
II / ПОНЯТЬ И ОПРАВДАТЬ	
ЛЮБОВЬ К ЧЕЛОВЕКУ	73
О монашестве.....	76
Типы религиозной жизни	104
Вторая евангельская заповедь	162
О подражании Богоматери	184
III / РАДОСТНАЯ АСКЕТИКА	203
Нищие духом	206
Страсть к самоанализу	210
Аскетизм.....	214
Еще о монашестве.....	244
IV / ЦЕРКОВЬ И СВОБОДА	257
Настоящее и будущее церкви	260
Испытание свободой	273
Оправдание фарисейства.....	279
На страже свободы.....	296

V / О СТРАДАНИИ И СМЕРТИ	311
Страдание и крест	314
Под знаком гибели.....	319
Рождение в смерти.....	332
Прозрение в войне	345
ПРИЛОЖЕНИЕ	
ИЗ ЗАПИСНЫХ КНИЖЕК.....	364

МАТЬ МАРИЯ (СКОБЦОВА) И ЕЕ «МИСТИКА ЧЕЛОВЕКООБЩЕНИЯ»

Мать Мария (Скобцова), канонизированная в 2004 г. Православной церковью Константинопольского патриархата как преподобномученица Мария Парижская, сегодня, из двадцать первого века, видится нам как одна из самых удивительных и светоносных личностей века двадцатого. По масштабу и разносторонности дарований она сопоставима с универсальными художниками эпохи Возрождения: богослов и религиозный мыслитель, поэт и прозаик, художница и иконописец, публицист и мемуарист, активный религиозный деятель... Она творила дела милосердия, оказывая разностороннюю помощь нуждающимся русским эмигрантам во Франции, была арестована нацистами за помощь евреям в оккупированном Париже и мученически погибла в концлагере Равенсбрюк, до последнего момента помогая союзницам поддерживать огонь жизни и человечности. По натиску событий и резкости поворотов жизнь ее похожа на приключенческий роман.

Лиза Пиленко родилась 8 (20) декабря 1891 года в Риге в семье потомственного дворянина, юриста, выпускника Санкт-Петербургского университета Юрия Дмитриевича Пиленко, служившего там в то время товарищем прокурора окружного суда, и его супруги Софьи Борисовны Пиленко (урожденной Делоне). Детство Лизы и ее младшего брата Дмитрия прошло по преимуществу в усадьбе в Анапе, куда семья переехала в 1895 году. С.Б. Пиленко так описывала это родовое гнездо: «Дом у нас двухэтажный. Живем в верхнем. У нас три открытые террасы, из

них две с видом на море. Кругом виноградники, за ними чудный, песчаный пляж, а за ним бескрайнее море»¹. Шум ветра и морского прибоя будет потом нередко слышен в стихах Лизы, попадут в них и курганы, с их археологическими «древностями», возвышавшиеся за виноградниками: первый свой поэтический сборник, вышедший в 1912 году, она назовет «Скифские черепки». Около года, с весны 1905-го по весну 1906-го, семья прожила в Ялте, где Юрий Дмитриевич работал директором Никитского ботанического сада и училища виноградарства. В июле 1906 года счастливое детство Лизы резко оборвалось — преждевременной смертью ее горячо любимого отца. Уже став монахиней, в 1936 году, в мемуарном очерке «Встречи с Блоком» она так описывает этот жизненный срыв: «В комнате плач. Умер мой отец. И мысль простая в голове: „Эта смерть никому не нужна. Она несправедливость. Значит, нет справедливости. А если нет справедливости, то нет и справедливого Бога. Если же нет справедливого Бога, то, значит, и вообще Бога нет“. ...Так кончилось детство»².

Софья Борисовна с детьми переехала в Петербург, Лизу отдали в одну из лучших столичных гимназий — Таганцевскую; в 7-й класс она перешла в гимназию М.Н. Стоюниной, которую и окончила в 1909 году с серебряной медалью. Но главное ее впечатление от Петербурга того времени — это удушающий рыжий туман и бессмысленность жизни, преодолеть

1 Пиленко С.Б. Детство и юность матери Марии // Елизавета Кузьмина-Караваева и Александр Блок. СПб.: РНБ, 2000. С. 176.

2 *Мать Мария (Скобцова)*. Встречи с Блоком: Воспоминания. Проза. Письма и записные книжки. М.: Русский путь; Книжница; Париж: YMCA-Press, 2012. С. 73.

которую она пытается с помощью поэзии. Смысл врывается в ее жизнь внезапно и неожиданно: однажды двоюродная сестра приглашает ее на поэтический вечер поэтов-декадентов, среди них выделяется один, с необычным лицом, его стихи пронзают насквозь: «Я уже знаю, что он владеет тайной, около которой я брожу...»³ «Кто это?» — Александр Блок. Узнав адрес, девочка-подросток приходит к поэту домой — за ключами от искомой тайны, за противоядием от бессмыслицы. И происходит самая важная в ее жизни встреча. Блок внимательно слушает сбивчивый рассказ, он все понимает и сочувствует, и сквозь это сочувствие Лиза вдруг переводит взгляд с себя и своих проблем на другого: «Я чувствую, что около меня большой человек, что он мучается больше, чем я, что ему еще тоскливее... Мне большого человека ужасно жалко. <...> Странное чувство. Уходя с Галерной, я оставила часть души там. Это не полудетская влюбленность. На сердце скорее материнская встревоженность и забота. А наряду с этим сердцу легко и радостно. Хорошо, когда в мире есть такая большая тоска, большая жизнь...»⁴ Так впервые возникает в ее жизни тема материнства как заботы о других, тема, которая позже станет ее призванием. Через неделю после этой встречи она получила письмо в синем конверте, в нем посвященные ей стихи, которые многие из нас знают наизусть:

Когда вы стоите на моем пути,
Такая живая, такая красивая,

3 Там же. С. 75.

4 Там же. С. 76.

Но такая измученная...

<...>

Все же, я смею думать,

Что вам только пятнадцать лет.

И потому я хотел бы,

Чтобы вы влюбились в простого человека,

Который любит землю и небо

Больше, чем рифмованные и нерифмованные

Речи о земле и о небе.

<...>

По окончании гимназии Лиза поступила на философское отделение историко-филологического факультета Бестужевских курсов, а в феврале 1910 года вышла замуж за Дмитрия Владимировича Кузьмина-Караваева, юриста и историка, завсегдатая петербургского литературного мира, синдика¹ Цеха поэтов, объединявшего около десятка поэтов (среди которых — Николай Гумилев, Анна Ахматова, Осип Мандельштам), завсегдатая знаменитой «Башни» Вячеслава Иванова. Начинаящая поэтесса и художница Елизавета Кузьмина-Караваева входит вслед за мужем в эту литературную жизнь дореволюционного Петербурга, в творческую мастерскую Серебряного века.

Об этом времени, о котором написано столько увлекательных воспоминаний, акцентирующих внимание на творческой атмосфере, литературных дискуссиях и художественных исканиях, мать Мария вспоминала в эмиграции — уже в оптике состоявшейся трагедии

¹ Синдик, «главный мастер», возглавлял Цех поэтов, помогая совершенствовать поэтическое мастерство его участникам. Официальными синдиками Цеха были Н. Гумилев, С. Городецкий и Д. Кузьмин-Караваев.

революции и гибели прежней России — как о времени «последних римлян» накануне завоевания Рима варварами: «Мы жили среди огромной страны, словно на каком-то необитаемом острове. Россия не знала грамоту, — в нашей среде сосредоточилась вся мировая культура... Мы не жили, мы созерцали все самое утонченное, что было в жизни, мы не боялись никаких слов, мы были в чем-то до наглости откровенны, в области духа циничны и нецеломудренны, в области жизни вялы и бездейственны. <...> Мы были последним актом трагедии — разрыва народа и интеллигенции»². В это время выходят ее первые книги: поэтические сборники «Скифские черепки» (1912) и «Руфь» (1916), а также философская повесть, написанная ритмизованной прозой «Юрали» (1915). Елизавета Юрьевна активно рисует и в 1912 году участвует в художественной выставке «Союза молодежи» в Петербурге вместе с Натальей Гончаровой, Михаилом Ларионовым, Казимиром Малевичем и Павлом Филоновым. Но за внешними творческими успехами стоит внутренний духовный голод, неудовлетворенность культурой «последних римлян», поиск чего-то более настоящего и жизненно необходимого. Это приводит ее к необычному решению — к бегству «к земле»: она решает оставить литературный Петербург, супруга, совместная жизнь с которым не сложилась, ради уединенной жизни в своем анапском имении, поменять видимость жизни на жизнь подлинную. Восемнадцатого октября 1913 года у нее рождается дочь, которую она называет Гаяна, что значит «земная».

2 Там же. С. 78.

С началом Первой мировой войны этот внутренний поиск выхода из духовного и культурного тупика совпадает с поиском выхода из тупика исторического и понимается как единая духовная работа, трудная, даже мучительная, но необходимая. Во «Встречах с Блоком» мать Мария так об этом вспоминала: «По ночам, когда в доме тихо, а за окнами плачут равноденственные бури, я начинаю медленно приближаться к новому открытию. Лично мне оно дается мучительно. Я вдруг начинаю видеть, что вся наша неразбериха, наша мука, потерянности, нелепость, — война, черные годы перед ней, — все это, — многоголосый зов, многорукий стук в закрытые двери. И ждет Россия Христа»¹. Видимо, именно тогда, как итог этой трудной работы, и происходит внутренний перелом в ее жизни: возвращение к христианству, причем не как в детстве, оборвавшемся со смертью отца, но на новом уровне осознанности и ответственности. В ее творчестве этот перелом особенно ощутим при сопоставлении двух ее книг, вышедших в 1915 и 1916 годах: в повести «Юрали» (1915) мы еще видим автора, обуреваемого религиозными исканиями, дающего неопределенно привлекательный образ героя-сверхчеловека, отсылающего к Ницше в одновременном споре с ним. В сборнике стихов «Руфь» уже звучит голос поэта, нашедшего Бога и вступающего с ним в диалог, стихи изобилуют библейскими образами и порой просто совпадают с молитвой. Итогом этого внутреннего пути стала дарственная надпись неизвестному лицу, сделанная Елизаветой Кузьминой-Караваевой

¹ Там же. С. 88.

на одном из экземпляров «Юрали» уже после выхода «Руфи»: «Мне хотелось бы, чтобы линия от „Юрали“ к „Руфи“ показалась Вам не только линией движения вперед, но и расширения, — через уничтожение себя». Но поскольку этот внутренний духовный труд совпадал с новым обретением Россией Христа, с трудом истории, не удивительно, что историческая катастрофа России в 1917 году не могла обойти Елизавету Юрьевну стороной: в революционном вихре она оказывается членом партии эсеров, а в период после революционного двоевластия — городским головой Анапы, пытающимся спасти людей и культурные ценности от уничтожения их большевиками.

Уже в эмиграции, в середине 1920-х годов Елизавета Юрьевна описывала и осмысляла губительный вихрь русской революции и Гражданской войны в мемуарном очерке «При первых большевиках (Как я была городским головой)» и в повестях «Равнина русская», «Клим Семенович Барынькин», «Несколько правдивых жизнеописаний». Она отмечает, что «самое страшное в революции, — и особенно в Гражданской войне, — что за лесом лозунгов и этикеток мы все разучиваемся видеть деревья, — отдельных людей»². После рискованных действий по спасению людей от большевицких расправ в Анапе в должности городского головы, после последовавшей за этим подпольной антибольшевицкой борьбы, которую пытались вести правые эсеры, она тут же по возвращении в Анапу в октябре 1918 года была арестована деникинской контрразведкой, посчитавшей ее работу при большевиках сотрудничеством

2 Там же. С. 135.

с ними. Процесс получился довольно напряженным, приговор по такому обвинению колебался от трех рублей штрафа до смертной казни. В защиту обвиняемой поступают письма — например, инициированное Максом Волошиным письмо литераторов в редакцию газеты «Одесский листок», с подписями Волошина, А. Толстого, Н. Крандиевской, Тэффи, В. Инбер. На суде звучат как ложные обвинения, так и подлинные свидетельства тех, кого она спасала от расстрелов и расправ. На заседаниях присутствует человек, вмешательству которого в ход процесса многие приписывали потом благоприятный исход дела: казачий политический деятель, бывший учитель, член Кубанского краевого правительства по ведомству земледелия Даниил Ермолаевич Скобцов. Вскоре он становится вторым мужем Елизаветы Юрьевны. После взятия Екатеринодара красноармейскими войсками в марте 1920 года у семьи остается только один выход: эмиграция.

Их маршрут исхода из России был схож с такими же трагическими путями очень многих людей: временное разлучение семьи (Елизавета Юрьевна отплывает из Новороссийска вместе с мамой и Гаяной, отдельно от мужа), переполненные корабли, боль разлуки с родиной. Тифлис (там она узнает о гибели в Гражданской войне своего родного брата Мити), Константинополь (там у семьи в 1921 году рождается сын Юра, а в 1922-м дочь Настя), Сербия и, наконец, с 1924 года, Париж. Чтобы выжить и прокормить детей, Елизавета Юрьевна Скобцова занимается шитьем на заказ, делает кукол, портит свои и без того близорукие глаза, хватается за любую работу. Даниил Ермолаевич сначала учительствует,

потом становится, как опять-таки многие и многие русские эмигранты, шофером такси. Оба пишут о пережитом воспоминания и художественную прозу, а Е.Ю. Скобцова еще и статьи для эсеровской газеты «Дни», в которой со временем становится ярким и заметным публицистом.

Еще один трагический перелом в ее жизни совершается 7 марта 1926 года: в клинике Пастеровского института умирает от менингита младшая дочь Скобцовых, четырехлетняя Настя. В тот день Елизавета Юрьевна записывает в дневнике, что до сих пор «душа по переулочкам бродила», а теперь ищет «настоящего и очищенного пути»: «О чем и как ни думай, — большего не создашь, чем три слова: „любите друг друга“, только до конца и без исключения, и тогда все оправдано и вся жизнь освящена, а иначе мерзость и тяжесть»¹. Эту смерть ей придется пережить еще раз, когда в марте 1931 году будет совершаться перезахоронение Насти на другой участок кладбища, при котором останки достают и перекладывают в новый гроб в присутствии близких. Татьяна Манухина передает слова матери Марии о том, что с кладбища тогда она вернулась «другим человеком»: «Я увидела перед собою новую дорогу и новый смысл жизни: быть матерью всех, всех, кто нуждается в материнской помощи, охране, защите»². Так начинается ее путь к монашеству.

С 1926 годом связано еще одно важное событие в жизни Елизаветы Юрьевны — ее приход в Русское

1 Там же. С. 456.

2 Манухина Т. Монахиня Мария // Кузьмина-Караваева Е.Ю. Избранное. М.: Советская Россия, 1991. С. 420–421.

студенческое христианское движение (РСХД), в котором она сразу находит ту церковную среду, что так давно искала: подлинную, творческую церковность, с идеями «оцерковления жизни» и создания «православной культуры», братского единения вокруг евхаристической чаши, свидетельства о православии на Западе и открытости к диалогу с инакомыслящими. В РСХД она координирует кружок по изучению России, выступает с докладами на съездах и собраниях, выпускает брошюры «Жатва духа» (жития нескольких святых в авторской обработке), «А. Хомяков», «Достоевский и современность» и «Миросозерцание Вл. Соловьева». Осенью 1929 года Елизавету Юрьевну избирают секретарем РСХД по социальной работе во французской провинции. Она ездит по городам русского рассеяния: Лион, Ницца, Марсель, Тулуза, Монпелье, Страсбург. Она видит такие бездны нищеты, потерянности и отчаяния русских эмигрантов, по сравнению с которыми даже парижская эмигрантская жизнь кажется благополучием. Она выслушивает человеческие исповеди, помогает, спасает от самоубийства. Именно к этим людям обращено ее «всеобъемлющее материнство», тема которого звучит и в ее стихах:

Подвел ко мне, сказал: усынови
Вот этих, — каждого в его заботе.
Пусть будут жить они в твоей крови, —
Кость от костей твоих и плоть от плоти¹.

1 «Подвел ко мне, сказал: усынови...» // Е. Кузьмина-Караваева (*Мать Мария*). Равнина русская. СПб., 2001. С. 125.

Чтобы помочь им по-настоящему, каждому нужно отдать себя до конца, без остатка, а для этого нужно безоговорочно отдать себя Христу. Она находит понимание у своего духовного отца, протоиерея Сергия Булгакова, и у митрополита Евлогия (Георгиевского), который, после оформления церковного развода с Даниилом Ермолаевичем, 16 марта 1932 года в храме Сергиевского подворья в Париже совершил постриг и нарек новую монахиню Марией в честь Марии Египетской. Так она становится матерью Марией.

Сразу после пострига она посещает действующие монастыри в Прибалтике, о которой пишет серию очерков для газеты «Последние новости», и делает для себя вывод, что сегодня, когда «эмигрантский народ» голодает, спивается и кончает с собой, укрыться за стенами монастыря равносильно пребыванию в «духовном санатории». Монахиня Мария выбирает другой путь — монашество в миру, «на дорогах жизни, в самой гуще ее», при «полном отсутствии самой тонкой перегородки, отделяющей сердце от мира, от его боли»². Главной проблемой беженцев была проблема жилья: по французским законам получить пособие в случае безработицы могли лишь те, у кого было место жительства, а чтобы снять жилье, нужно было уже иметь работу или пособие. Получался замкнутый круг. Поэтому основой благотворительной деятельности матери Марии сразу стало создание общежитий. Первое помещение она сняла уже в сентябре 1932 года на улице Вилла де Сакс, открыв при нем церковь, столовую и объединив пансионерок

2 *Мать Мария*. Воспоминания. Статьи. Очерки: в 2 т. Р.: YMCA-Press, 1992. Т. 1. С. 140.

идеями взаимовыручки и общей жизни. Но там удавалось приютить незначительное, на ее взгляд, количество людей. Поэтому позже, в августе 1934-го ей удалось снять более просторный дом в более демократическом, любимом эмигрантами 15-м округе Парижа: дом номер 77 на улице Лурмель становится центром деятельности матери Марии. В доме размещаются общежитие, столовая, обсуживающая не только пансионеров, но и окрестных безработных и нуждающихся, с дешевыми обедами (для их приготовления мать Мария часто уходит рано утром на парижский рынок, где ее уже знают и отдают за бесценно портящиеся продукты). При доме — переоборудованная из гаража Покровская церковь, для которой мать Мария пишет иконы и вышивает облачения. При доме открыты воскресная школа для детей, миссионерские курсы, тут проходят культурные встречи и собрания, со временем Николай Бердяев переносит именно сюда работу своей Религиозно-философской академии. Для того чтобы помощь нуждающимся была не просто благотворительностью, как подачка человеку, низведенному до безличного номера, а живым вовлечением человека как личности в общую жизнь, мать Мария создает в 1935 году объединение «Православное дело». В него вошли выдающиеся религиозные мыслители русского зарубежья: философ Николай Бердяев, литературный критик Константин Мочульский, историк Георгий Федотов, поддерживали объединение отец Сергей Булгаков и митрополит Евлогий. Участники пытаются нащупать «соборно-личный» метод работы, делать подлинно «православное», церковное дело, которое будет «лабораторией» для будущей России.

Само дело и богословская рефлексия над его методологией и основаниями рождаются одновременно, одно нераздельно связано с другим. «Православное дело» создает еще ряд общежитий, открывает богословские и миссионерские курсы и курсы псаломщиков, санаторий для выздоравливающих от туберкулеза в Нуази-ле-Гран (со временем переоборудованный в старческий дом), оказывает помощь больным и нуждающимся на дому, помогает извлечь из психиатрических больниц людей, которые попали туда случайно, по незнанию языка.

В 1936 году еще один удар обрушивается на мать Марию: приходит известие о смерти ее дочери Гаяны, год назад уехавшей в Советскую Россию. Официальная причина — тиф, настоящую до конца никто не знает до сих пор. К.В. Мочульский вспоминает слова матери Марии после смерти дочери: «Очень было тяжело. Черная ночь. Предельное духовное одиночество. Бессонными ночами я ее видела и с ней говорила. Все было темно вокруг, и только где-то вдали — маленькая светлая точка. Теперь я знаю, что такое смерть»¹. Но начинается Вторая мировая война, эпоха массовых смертей.

Мать Мария остается в оккупированном Париже, и «Православное Дело» начинает сотрудничать с Сопротивлением в помощи тем, кто в новых обстоятельствах оказывается самым нуждающимся и гонимым, — евреям. После указа, обязывающего евреев носить желтые звезды, мать Мария сказала: «Нет еврейского вопроса, есть христианский вопрос. <...>

¹ Мочульский К.В. Монахиня Мария (Скобцова). Воспоминания // Третий час (Нью-Йорк). 1946. № 1. С. 70.

Если бы мы были настоящими христианами, мы бы все надели звезды»¹. На Лурмеле организуется Комитет помощи узникам лагеря Компьень, пересыльного лагеря, в котором заключенные из присланных посылок уже сами поддерживали евреев, которым посылки получать было запрещено. Отец Дмитрий Клепинин, священник Лурмельской церкви и активный участник «Православного дела», и мать Мария налаживают выдачу евреям свидетельств о крещении, так как поначалу это могло помочь избежать ареста и депортации, при этом отец Дмитрий действительно крестит лишь тех, кто на самом деле этого хочет. Дом на улице Лурмель входит в общую цепь Сопротивления по укрыванию евреев и советских военнопленных, по передаче поддельных документов и материальной помощи нуждающимся, по отправке гонимых в неоккупированную зону, по устройству детей, родители которых схвачены во время облав. В июле 1942 года, при первых массовых арестах евреев — облаве «Вель д'Ив», матери Марии удалось проникнуть на велодром, куда согнали арестованных людей, и спасти оттуда четырех еврейских детей, которых удалось вынести в мусорных баках.

Первым из круга «Православного дела» в 1943 году арестовали сына матери Марии Юру Скобцова, активно ей помогавшего: у него в кармане нашли письмо женщины-еврейки с просьбой о свидетельстве о крещении. Сразу вслед за ним были арестованы отец Дмитрий и мать Мария. Юра Скобцов и отец Дмитрий Клепинин погибли в 1944 году

¹ Там же. С. 75.

в концлагере Дора (Бухенвальд), оба позднее вместе с матерью Марией причислены к лику святых как мученики. Мученический путь матери Марии проходил в женском концлагере Равенсбрюк. Сохранилось множество свидетельств ее союзниц, как она до последнего вздоха помогала другим, как выслушивала людей и дарила силы жить, как даже в условиях лагеря продолжала создавать удивительные вышивки. Символом ее несломленного духа, надежды и веры в победу добра над злом стала чудом сделанная вышивка на косынке французской союзницы, посвященная высадке союзнических сил в Нормандии. Невероятно, но выжившая лагерница смогла сберечь эту вышивку, и она сохранилась до наших дней. Сама же мать Мария погибла в газовой камере Равенсбрюка 31 марта 1945 года, накануне католической Пасхи, совсем незадолго до победы; по одному из свидетельств, шагнув туда добровольно, за другого человека.

Софья Носович, соратница легендарной героини Сопротивления Вики Оболенской, так вспоминает о совместном пребывании с матерью Марией в Равенсбрюке: «Я как-то сказала ей, что не то что чувствовать что-либо перестаяю, а даже сама мысль зачоченела и остановилась. „Нет, нет, — воскликнула матушка, — только непрестанно думайте; в борьбе с сомнениями думайте шире, глубже; не снижайте мысль, а думайте выше земных рамок и условий“»². Мысль преподобномученицы Марии Парижской, яркая, живая, оригинальная, продолжавшаяся да-

2 Гаккель Сергей, *прот.* Мать Мария. Париж: YMCA-Press, 1992. С. 242.

же в условиях лагеря, как само противостояние расчеловечиванию человека, мысль, тесно связанная с жизнью, открывающая новую страницу в православном богословии, — один из главных даров, оставленных нам в наследство матерью Марией.

...

«Мистику человекообщения», то есть мысль о том, что в подлинной встрече с человеком, в подлинном общении с ним, мы встречаемся и общаемся с Самим Богом, что путь к Богу лежит через наше отношение к ближнему, к другому человеку, мать Мария считала «главной темой своей жизни». Сохранилось свидетельство Константина Васильевича Мочульского, его дневниковая запись за 1936 год о том, как она работала и формулировала эту тему: «Мать заперлась в своей комнате и с утра до вечера стучит на машинке статью „Мистика человекообщения“. „Это тема моей жизни“, — говорит она. „Почему так подробно и тонко описаны лестницы восхождения к Богу? Существуют бесчисленные путеводители и руководства к Богообщению, а о мистике человекообщения ничего не написано? Но ведь путь к Богу лежит через любовь к человеку, и другого пути нет. Человек есть образ и подобие Божье, храм Духа Святого, нетленная икона Божества. И человекообщение есть великая тайна и таинство“»¹. Попробуем взглядеться, как эта ключевая идея раскрывается в разных тематических пластах ее богословия.

1 Мочульский К.В. Монахиня Мария (Скобцова). Воспоминания // Третий час (Нью-Йорк). 1946. № 1. С. 70.

Сама статья «Мистика человекообщения» была впервые напечатана в 1936 году в альманахе «Круг» (№ 1) и затем вошла в качестве одной из частей в задуманный еще при жизни и опубликованный лишь посмертно сборник текстов «О монашестве»². В середине 1930-х годов, сразу после монашеского пострига в 1932-м, мать Мария усиленно размышляет о смысле монашества и о современных особенностях аскетизма. Размышления эти вызваны, прежде всего, теми новыми историческими условиями, в которых принимает монашество автор: это гонения на Церковь на родине, в Советской России, и ситуация безытийности и нищеты в эмиграции, в распоряжении которой оказались лишь несколько традиционных, дореволюционных монастырей в лимитрофных странах (таких, например, как Пюхтицкий Успенский монастырь в Эстонии). Жизнь в этих монастырях, которые мать Мария посещает и описывает в серии очерков «Прибалтика», опубликованной в газете «Последние новости», кажется ей слишком благополучной, слишком устроенной на фоне общей неустроенности «эмигрантского народа». Именно желание разделить со страждущими их беды, утешить раны и облегчить страдания и приводит мать Марию к ее идее «нового монашества», монашества в миру, среди бед и боли мира. Беря на себя общее бремя страданий, разделяя его с ближними и облегчая его им, монах привносит этим в мир Христову любовь, позволяет Богу, через себя, действовать в этом, лежащем во зле, мире: «Сейчас для монаха

2 Наст. изд. С. 76–103.

один монастырь — мир весь»¹. В своей поэтической пьесе-мистерии «Анна» мать Мария рисует образы двух монахинь с противоположными взглядами на суть монашества: Павла благочестива, она усиленно молится и осуждает Анну, постоянно заботящуюся о том, чтобы разделить страдания тех, кто за стенами монастыря. Анна, в образе которой очень много автобиографических черт, уходит в мир и отдает свою жизнь и душу «за други своя». Примечательно, что для матери Марии такой выход монашества в мир связан не с ослаблением, а с усилением аскетических требований к монаху, не с духовной расслабленностью, а с усиленной жертвенностью: «Чем больше мы выходим в мир, чем больше отдаем себя миру, тем менее мы от мира, потому что мирское себя миру не отдает»². Сама возможность подлинной помощи человеку, подлинной «мистики человекообщения», укоренена в евхаристической жертве. Эту связь мать Мария раскрывает с помощью еще одного, ключевого для ее богословия термина, — «внехрамовая литургия», которая есть не что иное, как «жертвенное служение в храме мира, украшенного живыми иконами Божиими, служение общее, всечеловеческое жертвоприношение любви»³. Истоком разлива внехрамовой литургии, которая, как фонтан, изливается на весь мир, на всех и на каждого, никого не оставляя обделенным Христовой любовью, будет наша приобщенность к евхаристической жертве

1 Там же. С. 90–91.

2 О монашестве // Наст. изд. С. 95.

3 Там же. С. 100.

Христа, отдавание собственной жизни, уже ставшей Телом Христовым, «на закляние миру»⁴.

Мы видим, что аскетические требования к монашествующим при таком подходе не ослабляются, а, наоборот, заостряются. Составной частью такой радикализации требований становится богословское переосмысление матерью Марией монашеских обетов, которые возводятся ею на новый уровень требовательности. Так, обет нестяжания в эпоху массового обнищания людей, все потерявших в исторической катастрофе, уже не может сводиться только к отказу от материальных ценностей, но требует от монаха «нищеты духа», отказа от накопления не только интеллектуальных и культурных ценностей, но даже духовных: «...это есть отказ от своей духовной исключительности, это есть отдача своего духа на служение делу Божию на земле...»⁵ Обет послушания из слепого послушания старцу (поскольку подлинных старцев в эмиграции просто нет) становится творческим поиском применения собственных духовных сил, послушанием тому церковному делу, которое сам монах находит как свое призвание: «Послушание становится служением»⁶.

Обострение, усиление внутренних требований к христианину вообще характерно для мысли матери Марии (как это было характерно и для ее жизни), поэтому ее мысли о монашестве и аскетике актуальны и сегодня, и не только для монашествующих. К общехристианскому императиву подражания Христу,

4 Там же. С. 97.

5 Еще о монашестве // Там же. С. 255.

6 Там же. С. 251.

предполагающему вольное следование за Ним на Голгофу и готовность к жертве, мать Мария добавляет еще и императив подражания Богородице. И это снова связано с «мистикой человекообщения». В статье «О подражании Богоматери» (1939) она обосновывает это тем, что, как для Богородицы, стоявшей на Голгофе, крест Сына становится мечом, рассекающим Ее сердце, так и для каждого из нас таким мечом, пронзающим сердце, должен стать крест нашего ближнего. И это не только богословское обоснование сострадания ближнему, это еще и путь сквозь такое творческое сострадание к подлинному богообщению, к рождению Христа в сердце другого и в собственном сердце: «Каждый человек также и образ Богоматери, рождающий в себе Христа от Духа Свята»¹.

И в этом еще одна удивительная особенность богословской мысли матери Марии: радикализируя аскетические и общехристианские требования к человеку, возводя их на новую высоту, она при этом одновременно словно расчищает перед читателем дорогу к этой зовущей новой высоте, словно распахивает окна, так что в прежде душное и тусклое пространство начинает литься воздух и свет. Мы оказываемся в богословском пейзаже, в котором и Христос, и Богоматерь, и Дух Святой близки нам как никогда. Образ Богоматери, как и образ Божий, вписан в каждого из нас, надо лишь расчистить накипь эгоизма и в сострадании ближнему дать ему в себе просиять. Дух Святой веет в каждом подлинно церковном деле, в каждом творческом акте человека.

1 О подражании Богоматери // Там же. С. 195.